

ПОТЕРЯННАЯ ЗЕМЛЯ



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

СЕРГАЗЫ КАСЫМБЕКОВ

Сергазы Касымбеков

Потерянная земля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73219183

SelfPub; 2026

Аннотация

После того как Рауан отомстил за своего отца, он вернулся домой и столкнулся с новыми проблемами. Продолжение первой книги.

Содержание

Тяжелый выбор	4
Другая правда	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергазы Касымбеков

Потерянная земля

Тяжелый выбор

Ринат, помедлив у двери, вошёл. Он впервые нарушал её личное пространство с того страшного дня. Руана сидела у кровати. Она его слышала, но сил подняться навстречу не было.

Мягкий утренний свет проникал сквозь занавески, но не мог разогнать мрак, скопившийся внутри Руаны. На его негромкое окликивание она ответила лишь тихим, обрывистым всхлипом – в нём звучало глухое отторжение произошедшего.

Ринат шагнул вглубь комнаты, скользнув взглядом по небрежно смятой постели и разбросанным вещам. Рядом стоял стул, покрытый тонким слоем пыли. На спинке висел его ремень. Ремень Болата.

– Я знаю, как тебе тяжело. Мне тоже его не хватает, – Ринат опустился на стул. Тот жалобно скрипнул, когда он откинулся на спинку.

Снова всхлип – едва слышный, но Ринат его уловил. Он тяжело вздохнул, ощущая мучительную нехватку нужных слов. Взял в руки ремень и стал изучать его, словно редкий,

бесценный экспонат.

Руана заплакала, соскользнув на кровать и спрятав лицо в подушку. Ринат медленно пересел к ней. Он легонько коснулся её чёрных, давно не мытых волос, прядями спадавших на белоснежную кожу спины. Ему показалось, что они поредели. Спина её вздымалась в такт учащённому сердцебиению. На позвоночнике, чуть ниже шеи, виднелся красноватый прыщик, и Ринат осторожно, средним пальцем, дотронулся до него.

– Уходи, – глухо донеслось из-под подушки.

Руана чувствовала, как его грубые, мозолистые ладони гладят, почти царапают плечи. Она резко села и опустила голову, всем видом требуя прекратить прикосновения.

– Нам надо уплыть, Руана, ты же понимаешь это, – голос Рината стал серьёзнее; он решил, что она готова слушать. – Корабль нам предоставили влиятельные люди. Они поручили Болату найти новые земли. Ты же знаешь, он наверняка тебе рассказывал.

Руана молчала, и Ринат продолжил:

– Они знают, что произошло, и дали нам отсрочку. Но теперь мы должны вернуться к миссии. Экипаж ждёт, и я хочу, чтобы ты отправилась с нами. Болат так хотел, и я не оставлю тебя здесь.

Он попытался взять её за руку, но она резко отдернула ладонь, скрестив руки на коленях.

– Я не поплыву с вами. – Её голос прозвучал хрипло, будто

пересох от долгого молчания.

Он снова взял её за руку, на этот раз крепко. Её пальцы были ледяными.

– Если ты не поплывёшь, я не смогу гарантировать тебе защиту. – Упрямство Руаны начинало раздражать Рината. Четвёртый день подряд он приходил сюда и твердил одно и то же. Теперь он заговорил жёстче: – Люди с каждым днём звереют. Ты думаешь, справишься сама в этом особняке, среди всех этих благ? Тебя не трогали только из-за Болата, из-за его авторитета и тех, на кого он работал. Ты здесь умрёшь!

Руана резко вырвала руку, случайно задев повязку на его щеке – след от раны, оставленной когда-то Рауаном. Пластыри слетели, обнажив загноившийся порез. Ринат вскрикнул от боли, вскочил на ноги и со злостью пнул стул. Руана вздрогнула.

Ринат шагнул к зеркалу, завешенному простынёй после смерти Болата. Бесцеремонно сорвал ткань и, присмотревшись к щеке, кое-как прилепил пластыри обратно. Затем, поймав её взгляд в отражении, тихо, но твёрдо произнёс:

– Если ты не станешь чьей-то подстилкой, тебе не выжить здесь.

«Вот оно, – подумала Руана. – Вот его истинная натура. Все его визиты были только ради этого».

– Или ты уже нашла себе нового ебаря?

– Да как ты смеешь?! – Руана взорвалась, швырнув в него подушку. «Жаль, что под рукой нет ничего тяжелее», –

мелькнула мысль. – И после этого ты называешь себя другом Болата? Будь он жив, он бы тебя убил! Ты был его шавкой, а теперь вон какой крутой, да? Тошно смотреть!

Ринат злобно усмехнулся. Эта усмешка чем-то напомнила ей Габита – Руана всегда боялась его оскала с серебряными зубами.

– Ты, давай, не оскорбляй меня. – Он поднял подушку с пола. – Болата здесь нет. – И швырнул её обратно на кровать.

Руана зарыдала в голос. Ей казалось, что слёз уже не осталось, но крупные, горячие капли снова потекли по щекам.

Ринат подошёл и опустился перед ней на колени, положив тяжёлые ладони ей на бёдра. Шёлковая ночнушка скользнула вверх, обнажая ноги.

– Прости, – тихо произнёс он. – Я не хотел тебя обидеть. Я просто переживаю за твоё будущее.

Руана продолжала плакать, закрыв лицо ладонями. Ринат, словно взламывая хрупкий замок, осторожно, но настойчиво отвёл её руки.

– Всё, всё, не плачь... – Он крепко прижал её к себе. Ринат чувствовал, какая она хрупкая: казалось, её тонкие кости вот-вот хрустнут в его сильных объятиях. Он уткнулся в неё носом, вдыхая естественный запах – запах настоящего женского тела, без духов и притираний, который он не чувствовал уже давно. Объятия становились всё крепче, руки блуждали по её спине, пока горячие губы Рината не коснулись тонкой шеи.

Он надавил ей на плечи, укладывая на кровать, и запустил ладони под подол ночнушки. Грубые пальцы сжались на ягодицах, оставляя красные следы на коже.

Руана беспомощно забила кулаками по его груди, но Ринат навалился всем весом, целуя всё, до чего мог дотянуться. Осознав весь ужас происходящего, Руана вцепилась ему в раненую щеку и рванула кожу.

Ринат взвыл, словно из него вырывали душу. – Мразь! – Он ударил её кулаком, попав точно под глаз. Руана вжалась в подушки.

Ринат отшатнулся, прижимая ладонь к щеке, и нервно зашагал по комнате. Сквозь пальцы сочилась кровь, заливая лицо багрянцем. Руана, оглушённая ударом, замерла. Больше никаких слёз. Лишь взгляд, испепеляющий яростью. Растрёпанные волосы, словно тёмная вуаль, скрывали глаза, но даже сквозь этот хаос пробивался огонь непримиримой ненависти.

Ринат с дикой ухмылкой снова бросился на неё, вдавливая в матрас. Он перехватил её запястья, подавляя сопротивление. Капли крови с его подбородка падали на лицо девушки, смешиваясь со следами недавних слёз. Она отчаянно мотала головой, но пряди волос лишь липли к влажной коже.

– Ну и что ты теперь сделаешь, а? – прошипел Ринат, смакуя каждое слово. Он ощущал пьянящую власть, неведомое прежде чувство полной безнаказанности. Этот прилив вседозволенности дурманил сознание.

– Отпусти... – лишь прошептала Руана, сломленная, но не покорённая.

Резким, звериным движением Ринат впился в её губы. Это был грубый, влажный поцелуй, больше похожий на укус. Он слюнявил ей лицо, силясь проникнуть языком в плотно сомкнутый рот, но Руана стиснула зубы до боли.

Ослеплённый похотью, Ринат на миг ослабил хватку, чтобы сорвать лямку с плеча. В этот же миг освободившаяся рука Руаны обрушилась на его лицо. До раны было не дотянуться – она осталась с другой стороны, – и тогда Руана попыталась выцарапать ему глаз. Ринат, словно безумный, мотал головой, уклоняясь от ногтей.

Эта возня его взбесила. Он вновь перехватил её запястья, скрестив их над головой. Зажав обе её руки одной ладонью, он освободил вторую и бесцеремонно оголил грудь. Но едва он успел прижаться к ней, Руана, извиваясь всем телом, стала яростно брыкаться, не давая ему насладиться триумфом.

Её сопротивление, отчаянное и злое, лишь распалило Рината, словно масло, подлитое в огонь. Боль от царапин заставила забыть о контроле и человечности.

Солнце, будто предчувствуя беду, скрылось за плотной пеленой туч. Комната погрузилась в сумрак, словно сама природа отвернулась от происходящего. Руана билась под его тяжестью, как пойманная змея.

Одним рывком он перевернул её на живот, вдавливая своим весом в постель. Её руки, как крылья подбитой птицы,

были заломлены за спину и скованы железной хваткой. Бордовая ночнушка взметнулась вверх, обнажая бледную кожу, и Ринат грубо потянулся к белым кружевным трусикам – последней преграде.

Руана отчаянно сжимала бёдра, пытаясь закрыться. Ринат, не церемонясь, словно ломал сопротивление врага, коленом развёл её ноги. Он рванул бельё – тугая резинка впилась в нежную кожу, причиняя острую боль, но ткань не поддалась сразу. В голове Рината промелькнуло равнодушное: «Какие крепкие...»

Крики и проклятия Руаны звенели в воздухе, пока он, торопливо и неуклюже, возился со штанами, одной рукой пытаясь справиться с одеждой, а другой – удержать её. Этот миг растянулся для него в бесконечность, а она, выплюнув последние оскорбления, застыла в ожидании неизбежного. И вот он ворвался в неё – грубо, безжалостно, одним резким рывком.

...

– Ну что? – Ринат нарушил тишину, тяжёлую и липкую, скопившуюся в комнате, словно гной в нарыве. – Поплывёшь со мной?

Он обернулся. Руана съёжилась на кровати, свернувшись в позу эмбриона. Ни звука, лишь рваное дыхание, пропитанное горем.

– Или будешь выёбываться дальше?

– Я уже сказала. – Голос Руаны был тихим, почти покорным, но каждое слово обжигало ледяным презрением. – Я с тобой никуда не поплыву.

Ринат достал криво скрученную папиросу, обёрнутую в газетный обрывок. Чиркнула спичка, и по комнате поплыл густой запах махорки.

– А я тебе сказал, что ты здесь не выживешь. Если не я, придут другие. Изнасилуют.

Он жадно затянулся и закашлялся с непривычки – видно было, что курить он начал недавно.

– А то и убьют, – добавил Ринат, сплёвывая на пол.

– Нет. Я отправлюсь к своему сыну.

Ринат хотел было рассмеяться, но осёкся; в его глазах мелькнуло удивление, которое он тщетно пытался скрыть.

– Ты думаешь, он примет тебя?

Руана промолчала.

Другая правда

Крыша, покрытая ветхим шифером, стонала под ногами Серика, издавая жалобные звуки. "Держусь из последних сил", – казалось, жаловались замшелые листы под тяжестью юноши.

– Старайся наступать на балки! – донёлся крик снизу. Это был Куат, отец Серика. "Только новых дыр нам не хватало", – добавил он про себя.

Серик последовал совету. Солнечный свет, казалось, просвечивал сквозь худощавое тело юноши, подчёркивая широкие кости.

– Да, да, молодец, – проговорил Куат, отходя в сторону, чтобы лучше видеть сына. Густая борода почти полностью скрывала его лицо, на которое сейчас падал слепящий солнечный свет.

Перед ним предстал обветшалый дом. Долгие дожди измывались над стенами, обнажая глиняную кладку. Фасад и карниз украшали резные деревянные наличники, чей некогда яркий орнамент выцвел от времени. Окна с массивными, когда-то синими рамами, обгорели и облупились, утратив былую крепость.

– А как я пойму, где течёт? – спросил Серик, усевшись на острие двускатной крыши.

– Присмотрись, должна быть трещина, – ответил Куат.

Серик, осмотревшись, перешёл на другую сторону и скрылся из поля зрения отца.

– Ну что? Нашёл?

В ответ – тишина. Куат, обуянный нетерпением, поспешил обойти дом, чтобы вновь увидеть сына. И когда обошёл, замер, поражённый картиной: Серик, словно юнга на мачте корабля, вглядывался вдаль, ища землю в тумане.

Не успел Куат что-либо спросить, как вдруг ликующе, до хрипоты, закричал Серик.

– Это Рауан, Рауан! – Голос его дрожал от восторга, а рука указывала вдаль, за сарай. – Вон там, пап, это он, правда он!

На несколько секунд Куат ошеломлённо замер. Он не верил собственным ушам и зрению, будто врос в землю, не зная, как реагировать. Его сердце сжалось от неясной надежды. "А вдруг сын ошибается? Слишком уж это невероятно..." – он попытался унять стук в висках.

– Я сейчас принесу лестницу, подожди, – наконец, сипло вымолвил он, и эта фраза прозвучала как приказ самому себе.

Серик уже спускался с крыши, торопливо, не глядя под ноги; что-то под его старыми кедами хрустнуло.

– Не прыгай, дурень! – кричал отец, бегом направляясь за тяжёлой деревянной лестницей. – Ногу сломаешь!

Но откуда ему было знать, что юноше это не впервой. Раньше они с Рауаном часто блуждали по деревне, забирались на самые высокие деревья и спорили, кто эффективнее

спрыгнет, ставя свои собственные, никому не нужные, но такие важные рекорды бесстрашия.

Куат едва успел дотащить скрипучую лестницу до угла дома, как поднял глаза и увидел стремительный силуэт сына. Серик приземлился с поразительной грацией, словно акробат, – на одно колено и руку. Та самая, нарочито пафосная поза, которую они с Рауаном прозвали «супергеройским приземлением». Затем он сорвался с места, будто спешил на помощь, и без малейшего усилия перемахнул через старый деревянный забор, сильно накренив его.

Куат с грохотом бросил лестницу и вышел за ворота. Каково же было его потрясение и радость, когда он понял: сын был абсолютно прав! Серик уже возвращался – счастливый, задыхающийся, в обнимку с Рауаном. Возле их ног радостно кружилась, виляя хвостом, собака.

Гостя сразу проводили в дом. Там Жанат, словно проворная птичка, хлопотала над столом: расставляла масло, сметану, маринованные помидоры и то и дело просила Серика, «прилипшего» к другу, помочь ей. Куат во дворе колдовал над хлебом, выпекая его на двух сковородах, щедро засыпанных древесным углем. Рядом грубо нарубленные топором щепки ждали своей очереди быть брошенными в утробу самовара, чтобы тот, закипев, возвестил о готовности чая.

Рауан, словно пригвожденный к месту, сидел во главе стола, ощущая легкую неловкость. Ему отчаянно хотелось сказать, что не стоит суетиться, что он вовсе не голоден. Хотя

последнее было бы мучительной ложью. Но Рауан знал, что слова сейчас – лишь пустой звук, бесполезный шепот в этом гостеприимном вихре. Ему оставалось только наблюдать, как разгорается этот домашний праздник.

Дом Куата дышал уютом, словно отражение родного очага Руаны. В этот миг Рауан остро прочувствовал, насколько важна женская рука в доме. Он привык к сдержанному минимализму отцовского дома, к его непритязательной стряпне. Лишь изредка Сырым баловал их праздничными блюдами, которые в обычных семьях были повседневной радостью.

И пусть снаружи дом Куата казался уставшим от времени, внутри он искрился жизнью и свежестью. Плиточный пол укрыт коврами, низкий стол застелен льняной скатертью. Жесткие подушки с традиционным орнаментом словно приглашали присесть и забыть о мирской суете. Белые ровные стены, выбеленные известью, дарили ощущение простора. А у окна, словно драгоценный ларец, выделялось место для молитвы – с детскими четками и ковриками, украшенными арабской вязью.

Наконец все расселись. Во главе стола, словно незыблемый утес, восседал Рауан. Справа от него расположился Серик, а слева, удобно подперев бок подушкой, развалился Куат. Чуть поодаль, у самовара, примостилась Жанат. Она разливала душистый чай, и именно ей выпала роль разбить лед неловкого молчания. Серик жаждал расспросить друга о многом, но терпеливо ждал уединения. Куата же сковывал

страх. Страх перед вопросами, перед ответами, и особенно – что разговоры об отце, чья жизнь так трагически оборвалась, вновь разбередят кровоточащую рану в сердце Рауана.

– Мы места себе не находили, – промолвила Жанат, доливая в чайник кипяток, – думали, ты покинул нас, ушел из деревни навсегда. Боялись, что больше никогда не увидим.

Она бережно наполнила пиалу чаем и протянула Рауану. Тот, с благодарностью приняв пиалу, тихо отозвался:

– Все в порядке, тетя Жанат. Нужно было отлучиться по делам.

Следующая пиала досталась Куату, а ее взгляд, полный тревоги, вновь приковался к Рауану. Синяки, густо покрывавшие его лицо, распухшие губы, багровый отпечаток под глазом, рассеченный лоб и одежда, перепачканная грязью и запекшейся кровью, вызвали у нее холодный ужас. Налив чай сыну, она продолжила с материнской лаской в голосе:

– Знаешь, как я ругала этих двоих, – она кивнула в сторону мужчин, – за то, что не уберегли тебя, упустили из виду, оставили одного.

– Я сам попросил их об этом, – пробормотал Рауан, отпивая чай и морщась от боли. Раненые губы саднили огнем. – Они не виноваты.

Молчание было бы сейчас лучшим выходом, но Рауан не мог позволить себе этого. Ему казалось, что так он оскорбит чужое гостеприимство, их подлинную сердечность и искреннюю привязанность.

– Все равно... – Жанат не отрывала взгляда от его руки, прижатой к губе. – Это не значит, что о тебе можно было забыть.

Куат, до этого не прикоснувшийся к чаю, недовольно бросил:

– Может, хватит?

– А что такого? – Жанат словно прорвало после слишком долгого молчания. – Он мне как сын. Я его грудью выкормила.

Рауан медленно поднес пиалу к губам, стараясь не обжечься, но от этих слов вновь вздрогнул, пролив кипяток. Серик переводил растерянный взгляд с отца на мать.

– Рауан, конечно, не помнит... и Серик тоже. Рауан, тебе годика два было, – Жанат взглянула на сына, а Куат почти незаметно пнул ее под столом. – Когда твоя мать бросила вас и убежала со своим...

Жанат опустила глаза, скривив губы в гримасе презрения.

Для Рауана это не было новостью, но почему-то отчаянно хотелось, чтобы она замолчала.

– Ты кушай, ешь, – Куат почувствовал, как накаляется обстановка, и попытался сгладить ситуацию. Его голос был мягок и умиротворяющ. – Ты, наверное, голоден.

– Да, да, – подхватил Серик и подвинул к другу тарелку с горячими лепешками и креманку со сметаной. Куат продолжал:

– Сейчас баню затопим, искупаешься, отдохнешь...

– Нет, пусть он все знает, – упрямо перебила Жанат. Голос звенел настойчивостью. – Ему пора узнать правду.

– Ты не знаешь всей правды! – взорвался Куат, ударив кулаком по столу. Рауан вздрогнул от неожиданности. Жанат замолчала, притихнув.

Неловкое молчание повисло в воздухе, и Рауан почувствовал, как вина расплзается внутри него. Он ни за что не хотел, чтобы из-за него дорогие его сердцу люди поссорились. На глазах Жанат заблестели слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.